Г. В. ПЛЕХАНОВ. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ПЕТРОГРАДСКИМ РАБОЧИМ

31 марта 1917 г. (ст. ст.) Г. В. Плеханов вернулся в Россию после 37 лет эмиграции, вместе с женой Р. М. Плехановой и группой французских и английских социалистов. На Финляндском вокзале в Петрограде и на площади перед ним первого марксиста России встречали толпы людей, оркестры играли марши, делегации от заводов и фабрик несли знамена и транспаранты, рукоплескали группы социал-демократов, кричали «ура!» представители армейских частей и студенты. Люди подхватили Плеханова и на руках донесли до вестибюля вокзала, где его приветствовала делегация Исполкома Петросовета рабочих и солдатских депутатов. Плеханов ответил небольшой речью.

2 апреля (ст. ст.) он выступил в Таврическом дворце на совещании делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов, которые встретили его аплодисментами. Поблагодарив за горячий прием, Плеханов сказал, что относит его «не на свой личный счет, а на счет всего того революционного поколения, которое в продолжении десятков лет боролось под красным знаменем, не теряя веры в русский народ, не теряя веры в успех революции... Теперь, когда я имею счастье находиться в свободном Петрограде и обращаться к российскому пролетариату,.. я приветствую русский пролетариат как тот класс, который, освободив самого себя, освободил всю Россию» [1].

Вскоре Георгий Валентинович заболел, и все последующие месяцы туберкулез, которым он страдал с 1887 г., приближал его к концу. Иногда ему становилось немного легче, и в июне — июле он несколько раз выступал с речами, а в августе даже съездил в Москву. Но с сентября он окончательно слег и проводил бо́льшую часть времени в постели, продолжая писать статьи, а также приветствия различным съездам и организациям (они печатались в газете «Единство»). Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, арест министров Временного правительства и создание Советского правительства во главе с В. И. Лениным не были для него неожиданными, а его ответом на эти события и явилось публикуемое ниже открытое письмо петроградским рабочим. После этого уже в больнице Плеханов написал еще четыре статьи: «А все-таки движется», «Похороны Н. А. Некрасова» (воспоминания о 1877 г.), предисловие к новому изданию своей работы «Социализм и политическая борьба» и «Буки-аз — ба».

В Детском Селе, еще до больницы, Плеханова посетил Б. В. Савинков, с которым он неоднократно ранее встречался. Бывший революционер явился к первому русскому марксисту как посланец от поднявших антисоветский мятеж казаков во главе с генералом П. Н. Красновым и А. Ф. Керенским. В сентябре 1917 г. Савинков был исключен из партии эсеров и теперь был готов на союз с любыми силами, желавшими бороться против большевиков. Детское Село оказалось на территории, временно контролируемой казаками, и Савинков надеялся привлечь Плеханова к борьбе с социалистической революцией, предложив ему «составить министерство». Плеханов ответил: «Я сорок лет своей жизни отдал

---

[1] Плеханов Г. В. Год на Родине, Т. I. Париж. 1921, с. 5–10.

пролетариату, и не я буду его расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути. И Вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя Вашего революционного прошлого» [2].

Из Детского Села Плеханова перевезли сначала в Петроградскую больницу, а в январе 1918 г.— в больницу санаторного типа на Карельском перешейке, ставшем частью территории Финляндии. Умер Плеханов 30 мая (н. ст.) 1918 года. Советское правительство получило разрешение финляндских властей привезти его тело на Родину. Похоронили Плеханова в Петрограде, на Литераторских мостках Волкова кладбища рядом с могилой В. Г. Белинского. Большевики Петрограда провели 9 июня траурное заседание Петросовета. Среди многих других ораторов (Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин, Ю. Мархлевский, Д. Б. Рязанов) выступил и А. В. Луначарский, сказавший, что большевики всегда будут помнить Плеханова как «мастера, выковавшего то оружие для русских социалистов, которым мы теперь сражаемся, часто и против него, и его учеников. Никогда не забудут русские рабочие, что революция 1917 года, несмотря на то, что она происходила при порицании постаревшего пророка, была тем не менее выполнением его знаменитого пророчества: «В России революция победит только как рабочая, или вовсе не победит!» [3]. Позднее В. И. Ленин писал о большом значении теоретического наследия Плеханова для формирования марксистского мировоззрения у большевиков и всех трудящихся России [4].

Статья «Открытое письмо к петроградским рабочим» увидела свет 28 октября (ст. ст.) 1917 г. в газете «Единство». Позже она не включалась в «Сочинения» Плеханова и практически не известна советскому читателю. Она публикуется по кн.: Плеханов Г. В. Год на Родине. Т. II. Париж. 1921, с. 244—248. Этот текст сверен с текстом в «Единстве». Статья войдет в сборник произведений Г. В. Плеханова «Об истории России», подготовленный для серии «Памятники исторической мысли». Нами составлены примечания к тексту письма.

И. Н. Курбатова

* *
*

«Товарищи! Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А. Ф. Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Скажу вам прямо: меня эти события огорчают. Не потому огорчают, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души.

В течение последних месяцев некоторые агитаторы и публицисты изображали меня чуть ли не контрреволюционером. Во всяком случае, они охотно распространялись на ту тему, что я готов перейти или уже перешел на сторону буржуазии. Но эти агитаторы и публицисты,— по крайней мере, те между ними, которые не страдали неизлечимым простодушием,— конечно, сами не верили тому, что распространялось ими на мой счет. Да и нельзя было этому верить. Кому известна была история моей политической деятельности, тот знает, что уже с начала восьмидесятых годов прошлого столетия,— со времени основания группы «Освобождение труда»,— в ее основе лежала одна политическая мысль: мысль об историческом призвании пролетариата вообще и русского про-

---

КУРБАТОВА Ирина Николаевна – доктор исторических наук (Ленинград).

[2] Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме с примечаниями. М. 1924, с. 182.

[3] Пламя, 1918, № 7, с. 2.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42, с. 290.

летариата в частности. «Революционное движение в России восторжествует как движение рабочего класса или совсем не восторжествует», сказал я в речи о русском положении, произнесенной мною на Парижском Международном социалистическом съезде 1889 г.,— этом первом съезде 2-го Интернационала [1].

Эти мои слова недоверчиво встречены были огромным большинством участников съезда. Россия представлялась им такой безнадежно отсталой страной, что они должны были принять и действительно приняли за несбыточную утопию мое мнение о великом историческом призвании русского пролетариата в области нашей внутренней политики. Только мой друг Жюль Гэд и зять Маркса Шарль Лонгэ, да еще старый деятель германской социал-демократии Вильгельм Либкнехт иначе отнеслись к мысли, мною высказанной. Они нашли, что мысль эта проливает новый свет на дальнейший ход русского общественного развития и соответствующего ему освободительного движения.

Что же касается нашей революционной интеллигенции того времени, то в ее среде моя парижская речь вызвала значительное неудовольствие. Вера в промышленный пролетариат считалась тогда у нас вредной ересью. Интеллигенция насквозь пропитана была старозаветными народническими понятиями, согласно которым, промышленный *рабочий не мог* претендовать ни на какую самостоятельную историческую роль. В лучшем случае он способен был, по убеждению тогдашних народников, поддерживать революционное движение крестьянства. И это убеждение так сильно укоренилось в интеллигенции, что всякое отклонение от него считалось почти изменой революционному делу.

В первой половине девяностых годов «*легальные*» народники печатно называли нас, «*нелегальных*» проповедников идеи рабочего сословия (как выразился бы Лассаль), *кабатчиками*, а один из них выразил ту отрадную уверенность, что ни один уважающий себя журнал не позволит себе напечатать на своих страницах изложение наших взглядов [2]. В продолжение целой четверти века мы стойко выносили самые ожесточенные нападки и преследования. Мы обладали той «благородной упрямкой», на которую с гордостью указывал некогда Ломоносов как на одно из отличительных свойств своего характера. И вот теперь, когда жизнь как нельзя более убедительно показала, что мы были правы; теперь, когда русский рабочий класс в самом деле стал великой движущей силой общественного развития, мы отвернемся от него и перейдем на сторону буржуазии? Да ведь это ни с чем не сообразно; этому может поверить лишь тот, кто не имеет ни малейшего понятия о психологии!

Повторяю, этому не верят сами наши обвинители. И, конечно, сознательные элементы русского рабочего класса отвергнут это обвинение как недостойную клевету на тех, которых сами обличители не могут не признать первоучителями русской социал-демократии. Итак, не потому огорчают меня события последних дней, чтобы я не хотел торжества рабочего класса в России, а именно потому, что я призываю его всеми силами души. В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов [3]. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было. Они обязаны спросить себя: готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру?

Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь, ответит на этот вопрос решительным отрицанием. *Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту*

политической власти. Навязать ему такую власть, значит, толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы, в то же время, величайшим несчастием и для всей России. В населении нашего государства пролетариат составляет *не большинство, а меньшинство*. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист.

Правда, рабочий класс может рассчитывать на поддержку со стороны крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма. В этом опять-таки не может сомневаться никто из тех, которые хорошо усвоили себе нынешнюю социалистическую теорию. Стало быть, крестьяне — совсем ненадежный союзник рабочего в деле устройства социалистического способа производства. А если рабочий не может рассчитывать в этом деле на крестьянина, то на кого же он может рассчитывать? Только на самого себя. Но ведь он, как сказано, *в меньшинстве*, тогда как для основания социалистического строя необходимо *большинство*. Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить «социальную революцию», то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение.

Говорят: то, что начнет русский рабочий, будет докончено немецким. Но это — огромная ошибка. Спора нет, в экономическом смысле Германия гораздо более развита, чем Россия. «Социальная революция» ближе у немцев, чем у русских. Но и у немцев она еще не является вопросом нынешнего дня. Это прекрасно сознавали все толковые германские социал-демократы как правого, так и левого крыла еще до начала войны. А война еще более уменьшила шансы социальной революции в Германии благодаря тому печальному обстоятельству, что большинство немецкого пролетариата с Шейдеманом во главе стало поддерживать германских империалистов. В настоящее время в Германии нет надежды не только на «социальную», но и на политическую революцию. Это признает Бернштейн, это признает Гаазе, это признает Каутский, с этим, наверное, согласится Карл Либкнехт.

Значит, немец не может докончить то, что будет начато русским. Не может докончить это ни француз, ни англичанин, ни житель Соединенных Штатов. Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года. А война, которую поневоле приходится вести России? Страшно осложняя положение дел, она еще больше уменьшает шансы социальной революции и еще больше увеличивает шансы поражения рабочего класса.

На это возражают: мы декретируем мир. Но, чтобы германский император послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнее его, а так как сила на его стороне, то, «декретируя» мир, мы тем самым декретируем его победу, т. е. победу германского империализма над нами, над трудящимся населением России. Решите сами, можем ли мы радостно приветствовать подобную победу.

Вот почему, дорогие товарищи, меня не радуют, а огорчают недавние события в Петрограде. Повторяю еще раз. Они огорчают меня не потому, чтобы я не хотел торжества рабочего класса; а, наоборот, потому, что я призываю его всеми силами души и вместе с тем вижу, как далеко отодвигают его названные события. Их последствия и теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно

против политики захвата власти одним классом или,— еще того хуже,— одной партией.

Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление. Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться.

Весь ваш Г. Плеханов».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Плеханов цитирует окончание своей речи на Первом, учредительном, конгрессе II Интернационала (июль 1889 г.) по памяти. Существуют два варианта этой речи, произнесенной по-французски. Во втором варианте (перевод с подлинника из архива Ж. Геда) это звучит так: «А в заключение повторяю – и настаиваю на этом важном пункте: революционное движение в России восторжествует только как *рабочее движение* или же никогда не восторжествует» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. М. 1956, с. 421).

[2] Имеется в виду С. Н. Кривенко, с которым Плеханов полемизировал в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (Плеханов Г. В. Ук. соч., с. 714–717).

[3] Вероятно, имеется в виду следующее место из «Крестьянской войны в Германии»: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство... Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно. Примеры тому мы видели и в самом недавнем времени; напомним лишь о том положении, в котором очутились в последнем французском временном правительстве представители пролетариата, хотя и в их лице была представлена еще весьма низкая ступень развития пролетариата. Тот, кто после опыта февральского правительства (1848 г. во Франции.– *И. К.*)... еще способен претендовать на официальные посты, тот либо является сверх меры ограниченным человеком, либо связан с крайней революционной партией в лучшем случае одними лишь фразами» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 7, с. 422–423).